

Вторичные артефактные номинации в арабском и русском языках

В качестве источника метафорической экспансии во многих случаях выступают наименования артефактов, репрезентирующих такие субсферы, как «орудия труда», «предметы хозяйственного обихода», «транспорт», «жилище», «одежда и украшения», «механизмы и устройства», «музыкальные инструменты», «пища». При описании артефактов, которые создавались в процессе производственной деятельности человека, наблюдаются различного плана аналогии и отождествления с физическим устройством человека. Именно поэтому в названиях технических приспособлений часто присутствуют такие компоненты, как *ушко, головка, бородка, палец, язык, зубы* и др.

В русском и арабском языках совокупность артефактов образует один из наиболее разветвленных лексико-тематических разрядов, который выступает в качестве своеобразного кода, символизирующего самые различные социальные и культурные ценности, отношения и установки. Специфической чертой артефактных номинаций является их способность образовывать вторичные ЛСВ метафорического плана. Отмечая многообразие метафор и их областей-источников, А.П. Чудинов наряду с антропоморфной, природоморфной и социоморфной метафорами включает в разряд основных когнитивных моделей и артефактную метафорическую модель [6, с. 149]. Вторичные ЛСВ, образованные по артефактной модели, основываются на реальном сходстве предметов, при котором исходное и результирующее значения связывает общность внешнего вида подобных друг другу реалий (по форме, внешнему виду, размеру, расположенности в пространстве, цвету и др.) или общность выполняемых функций (использования, назначения).

В целевой сфере (новой понятийной области, сфере-мишени) метафорических моделей чаще всего оказывается человек. Образ человека, его внешность, духовный мир и эстетические ценностные представления, являющиеся результатом накопления человеческих знаний и опыта за весь период развития данной культуры, выступают в качестве ядра каждой национальной культуры. По утверждению В.А. Масловой, «человек – носитель национальной ментальности, которая может быть исследована через язык, являющийся важнейшим из средств идентификации человека» [4, с. 142]. Именно по этой причине человековедческий, или антропоцентрический, подход становится в настоящее время основным во всех дисциплинах гуманитарного профиля, в том числе и языкознании [2, с. 7–8]. Возросший интерес современной науки к проблеме человеческого

фактора в языке свидетельствует о переходе от лингвистики «имманентной», которая рассматривает язык «в самом себе», к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью [5, с. 8]. По мнению О.Ю. Куцевой, в антропоцентрической парадигме одно из основных направлений «исследует язык как “зеркало” человека, базовым для него является понятие языковой картины мира, а основной задачей – изучение того, как человек отражает себя в языке» [3, с. 155]. Антропоцентризм, таким образом, рассматривается как ведущая тенденция научной мысли, согласно которой человек считается центральной и высшей целью мироздания.

Антропоморфические вторичные номинации, направленные на сферу человека, наиболее представлены в арабском языке. Среди большого числа анимистических моделей распространены следующие:

а) «посуда, домашняя утварь → человек»: *karura* (рус. *бутылка*) ‘бутылка; стеклянная чаша; женщина’; *dalu* (рус. *ведро*) ‘ведро, ковш; высокий мужчина’; *merat* (рус. *зеркало*) ‘зеркало; лицемер; льстец’;

б) «еда, напитки → человек»: *ibrah* (рус. *вино*) ‘вино, напиток; отважный человек’; *salta* (рус. *салат*) ‘салат; болтливый человек’; *ajun* (рус. *тесто*) ‘тесто; сопляк, молокосос, молодой и неопытный человек’;

в) «помещение → человек»: *matbakh* (рус. *кухня*) ‘кухня; скупой человек’; *salh* (рус. *зал*) ‘зал; проникательный и умный человек’; *shubak* (рус. *окно*) ‘окно; охотник’;

г) «транспортные средства → человек»: *shra* (рус. *парус*) ‘парус; дурак; лжец; любопытный человек’;

д) «предметы быта → человек»: *tnjl* (рус. *серп*) ‘серп; ловкий и опытный человек’; *fanus* (рус. *фонарь*) ‘фонарь, лампа; клеветник; диверсант’; *nakeba* (рус. *чемодан*) ‘чемодан; кожаная сумка; хранитель тайн, доверенное лицо’;

е) «одежда, обувь → человек»: *qebqab* (рус. *сабо*) ‘сабо; разговорчивый болтливый человек; лжец’; *atata* (рус. *тюрбан*) ‘тюрбан; ученый, старейшина.

Анимистические вторичные номинации в русском языке представлены немногочисленными примерами. Источником для их образования служат первичные ЛСВ названий обуви, игрушек и др. Ср.: *сапог* ‘род обуви с высоким голенищем; серый, некультурный человек’; *кукла* ‘детская игрушка; бездушный и пустой человек (чаще женщина); человек, слепо действующий по воле другого’; *дубина* ‘толстая тяжелая палка; высокий, долговязый

человек; бестолковый, тупой человек»; *пугало* 'чучело, выставляемое в садах и огородах для отпугивания птиц; некрасивый, безобразно одетый человек'.

Одинаковые для арабского и русского языков модели представлены единичными случаями. Вторичные ЛСВ, объединенные общей анимистической семой, в таких моделях различаются смысловым объемом и широтой семантических парадигм. Ср.: рус. *шляпа* 'головной убор; вялый, неэнергичный, ненаходчивый человек', араб. *qubaa* 'шляпа; тряпка; женщина'; рус. *колпак* 'головной убор; простодушный, недалекий человек'; араб. *qida* 'высокая шапка; человек высокого роста; статист, подставное лицо; манекен, кукла'; рус. *тряпка* 'кусок, лоскут ткани; бесхарактерный, слабовольный человек', араб. *khrqh* 'тряпка; обрывок, лоскут; женщина легкого поведения'.

В большинстве случаев первичные и вторичные ЛСВ основаны на метафорических соотношениях. Метафорические переносы чаще всего основываются на нескольких признаках исходного значения, что в целом способствует созданию сложных артефактных структур. Одной из специфических черт таких структур являются их широкие смысловые парадигмы, разбросанность вторичных ЛСВ по различным семантическим сегментам, что связано с распространенностью полисемантических слов в арабском языке. «Многозначность широко распространена в арабской лексике и обычна для самых употребительных слов, являясь более общим правилом, чем однозначность — однозначные слова в арабском языке довольно редкое явление», — пишет В.М. Белкин [1, с. 130]. В сложных смысловых структурах наряду с анимистическими ЛСВ фиксируются ЛСВ других тематических групп: *qacer* (рус. *замок*) 'замок: дворец; спорщик; слабый человек; единица измерения длины'; *sarir* (рус. *кровать*) 'кровать; трон короля; друг, друг'; *ibra* (рус. *игла*) 'игла; стрелка; компас; жало; укол, инъекция; худая женщина; лицемер'; *jacer* (рус. *мост*) 'мост; виадук; плотина; запруда; арка, свод; тостый человек; смелый человек'.

В смысловых структурах полисемантов могут фиксироваться артефактный, зооморфический и другие типы ЛСВ: *sfynh* (рус. *корабль*) 'корабль; верблюд'; *bhyrh* (рус. *озеро*) 'озеро; верблюд'; *rbat* (рус. *галстук*) 'галстук; связь; сердце; лошадь'; *jrydh* (рус. *газета*) 'газета; пальмовая ветвь; деньги; лошадь'; *jarar* (рус. *трактор*) 'трактор; постромка; жёлтый скорпион; тип транспортных средств'; *syf* (рус. *меч*) 'меч; тип рыбы; морское побережье; тип гладиолусов'.

Наряду с метафорой в арабской лексике широко представлена метонимия, когда отождествляемые объекты не носят какого-либо сходства, а соотносятся по смежности в пространстве. К числу метонимических

относятся следующие полисеманты: *tabal* (рус. *барабан*) ‘барабан; барабанщик’; *baet* (рус. *дом*) ‘дом; его жители’; *darach* (рус. *колесо*) ‘колесо; велосипедист’; *bared* (рус. *почта*) ‘почта; сообщение; посланник’; *qessa* (рус. *рассказ*) ‘рассказ; тот, кто пишет что-либо’; *mataem* (рус. *ресторан*) ‘ресторан; официант; человек, который слишком много ест’; *hetha* (рус. *обувь*) ‘обувь; ботинок; сапожник’; *tabakh* (рус. *плита*) ‘плита; шеф; повар; скупой человек’.

Литература

1. Белкин, В. М. Арабская лексикология / В.М. Белкин. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1975. – 199 с.

2. Богуславский, В.М. Словарь оценок внешности человека / В.М. Богуславский. – М., 1994. – 274 с.

3. Кущева, О.Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике / О.Ю. Кущева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 224–226.

4. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

5. Постовалова, В.Н. Картина мира / В.Н. Постовалова ; под ред. Б.А. Серебренникова и др. – М., 1998. – 65 с.

6. Чудинов, А.П. Метафора в политическом интердискурсе / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – 213 с.